

Д.В. Кузнецов

Кемеровский государственный университет

**Грамматическая категория времени
в лингвоперсонологическом аспекте:
модели интерпретации (на материале русского языка)**

Проблема интерпретации грамматических категорий пользователями языка представляет несомненный интерес для современной лингвистики, ввиду смещения научной парадигмы в сторону антропоцентризма. Характерные для эпохи структурализма попытки приведения к единому знаменателю грамматики языка в ее кодифицированном виде и «внутренней» грамматики, основанной на чувстве языка, требуют пересмотра и переосмысления. Традиционное изучение языка и личности как неродственных сущностей и вытекающий из данного посыла односторонний характер трактовки языковых категорий как данности, зафиксированной в сознании абсолютно любого пользователя, вне зависимости от уровня образованности, социального окружения, особенностей менталитета и целого ряда иных экстралингвистических факторов не дают объяснения таким явлениям, как непонимание друг друга людьми, говорящими на одном и том же языке, использование ими разных средств языка для описания одной и той же ситуации, иногда даже отсутствие в узусе одного микросоциума стандартизированных моделей построения высказываний. Очевидно, что возникающий в тех или иных речевых ситуациях когнитивный диссонанс, провоцирующий коммуникативные неудачи, имеет в своей основе вариативность интерпретации того, что долгое время считалось неоспоримыми универсалиями – грамматических категорий языка.

В свою очередь, данная вариативность базируется на разности речевого опыта, включающего в себя «а) практическое владение родным языком; б) эмпирические обобщения наблюдений над языком, сделанные его носителем независимо от специальных знаний о языке» [Божович, 1997, с. 37].

В последние десятилетия все больший вес приобретает антропоцентрический подход, согласно которому язык, личность и межличностные отношения составляют единое целое. С точки зрения А.Р. Лурия, основным является то, что приобретение коммуникативных средств, включая жесты, лексику, синтаксис, дискурсивную стратегию и психосоциальные ценности, дает человеку возможность стать говорящей, мыслящей и саморегулирующейся личностью, способной общаться с помощью внешней речи с другими и с самим собой. Постепенное приобретение и возникающая в итоге способность к управлению коммуникативными средствами социального окружения предоставляет возможность сознательного регулирования своих внешних и внутренних когнитивных действий. Не приобретение языка как грамматики, а овладение функциональными или прагматическими ролями, которые играет язык, предоставляет возможность самостоятельной трансформации в самоуправляемую индивидуальность [см.: Лурия, 1979; Лурия, Юдович, 1956; Бейн, Ю, Панарин, 1994].

Естественным образом с изложенным выше связано понятие «чувства языка», определяющего механизмы, задействованные как при создании оригинального текста, так и при переосмысленном изложении заданного. Таким об-

разом, чувство языка есть механизм селекции и контроля языковых единиц, в которых соотношение семантического и формального носит объективно неформализованный, варьирующий характер; это соотношение наиболее отчетливо проявляется на высших уровнях и планах языка – лексико-фразеологическом, синтаксическом, лингвостилистическом. Основой чувства языка предположительно является ориентировка носителя языка в системе типичных для той или иной формы (но не поддающихся жесткому ограничению) значений и в системе форм, позволяющих передавать одни и те же значения с различными смысловыми, эмоциональными и другими оттенками [Божович, 1988, с. 73].

В связи с тем, что грамматические категории составляют каркас связного текста, его организующее начало, необходим анализ их воздействия на механизм понимания дискурса, систематизация вариативности создаваемых ими на восприятие проекций. Данная проблематика достаточно глубоко изучена на материале художественного текста, ср., например: «В зависимости от различных стратегий интерпретации, различных знаний, убеждений, мнений, установок, интересов или целей ... разные читатели выделяют неодинаковые значения в качестве основных, важных или представляющих интерес, а также наделяют дискурс различными темами и основным содержанием. <...> Синтаксические и семантические структуры предложения и текста не произвольны; они отражают основные категории и структуры наших моделей познания действительности» [Ван Дейк, 1989, с. 45, 84]. И поскольку полное совпадение концептуальных систем автора и воспринимающего в принципе невозможно, полного совпадения проекций художественного текста у автора и читателя не может быть [Залевская, 2001, с. 66]. На наш взгляд, логическим продолжением данной мысли, стратифицирующим вопрос в плоскости грамматических категорий языка, будет являться следующее положение, предлагаемое в качестве рабочей гипотезы данной работы: *восприятие функционирования той или иной грамматической категории в тексте также обусловлено ситуативным контекстом, языковыми и метаязыковыми знаниями, индивидуальными психотипическими чертами. Данные факторы, взятые в комплексе, позволяют высветить вариативность особенностей восприятия и вербального самовыражения, что, в свою очередь, ведет к созданию типологической системы грамматических языковых личностей.*

Исходя из сказанного, очевидной представляется необходимость анализа категорий грамматики с позиций антропологической лингвистики, в частности, с позиций лингвоперсоналогической гипотезы, сформулированной проф. Н.Д. Голевым, предполагающей «функционирование языка в пространстве качественного разнообразия языковых способностей и вариативность результатов такого функционирования» [Голев, 2004б, с. 4-9]. Сущность антропоподхода к языку заключается в том, «чтобы находить и описывать свидетельства того, как, пропуская через свое сознание картину отраженного образа окружающего мира, говорящий воспроизводит ее с помощью языка. Язык при этом выступает в качестве среды существования человека как существа разумного и не может, следовательно, не быть эгоцентричным, т.е. не ориентированным на Я говорящего и мыслящего» [Хомякова, 2002, с. 74].

Эгоцентричность языка, в этом смысле, позволяет увидеть разнообразие парадигм восприятия через призму не только первичного, собственно авторского, но и вторичного текста. Как тот, так и другой выступают в качестве своеобразного диагностического контекста для выявления вариативности перцепции и перемоделирования объективной реальности. Предположительно, в данном смысле вторичный текст является даже более показательным, выступая в роли «кривого зеркала», в котором отображается собственно первичный текст: имеется возможность отследить все внесенные в оригинальную структуру изменения. Неизбежность присутствия последних диктуется уже тем, что «одну и ту же ситуацию носитель языка может описывать по-разному. Исходный набор параметров ситуации

(или соответствующих им семантических признаков) при этом остается одним и тем же, но какие-то из них акцентируются, а какие-то затушевываются» [Рахилина, 1998, с. 283]. Добавим при этом, что разные носители языка опишут одну и ту же ситуацию тоже по-разному, создавая различающиеся антропотексты. Под данным термином понимается «отражение особого качества языковой способности его автора или адресата. Вариативность антропотекстов есть отражение разнообразия языковых личностей и характеризующих их типов языковой способности. К примеру, общий ответ на вопрос, почему по одному тексту дети пишут разные изложения, по одной картине – разные сочинения, достаточно прост: вариативность изложений и сочинений зависит от разнообразия природного качества языковой способности детей. При этом очевидно, что «природная вариативность» усиливается разнообразием условий окультуривания природного дара» [Голев, 2004б]. Естественно, здесь мы не рассматриваем уникальные случаи стопроцентного воспроизведения исходного текста, обусловленные феноменальной памятью испытуемых, поскольку в таких ситуациях изначальной целью-установкой является именно копирование текста, но не его передача «своими словами». «У речевой и текстовой вариативности есть тенденция к бесконечной дифференциации вплоть до индивидуальной, но столь же несомненна и тенденция к ее ограничению, проявляющаяся прежде всего в типизируемости вариантов» [Там же]. Типизация вариантов, с одной стороны, и их индивидуальный характер, с другой, способствуют выявлению как типологически универсальных черт, имманентно присутствующих в национальном языковом сознании, так и собственно частных модусов перцепции, благодаря которым производный текст предстает не в виде унифицированного стандарта, но в полифонии вариаций. «В результате мы можем квалифицировать вторичные тексты как своеобразные “кодовые трансформации”, в основе которых заложен субъективный момент, придающий производным текстам не столько жестко детерминированный, сколько статистико-вероятностный характер, а потенциальная вариативность вторичных текстов делает актуальным ее первый компонент» [Голев, Сайкова, 2001, с. 21].

Поскольку в данной работе объектом нашего внимания является категория грамматического времени, преломляемая через призму восприятия, отображенного во вторичном тексте, следует отметить, что принципиальным для обнаружения синтеза метапредставлений (последовательности, длительности, синхронности) в единое представление о времени, реализуемое во вторичном тексте, является дискурсивность мышления, т.е. отражение хода мыслей, их последовательности, связи идей. «Некоторые закономерности организации содержания текста, направленные на передачу цельного замысла через связь языковых единиц, их значений, через тектонику текста в целом, отражают принципы организации мыслительного содержания и “хода мыслей” в механизме языкового мышления. Поэтому исследуемый языковой материал мы изучаем в единстве двух его сторон – мыслительной (дискурс) и языковой (текст)» [Варшавская, 1984, с. 29]. При этом, оставляя за пределами рассмотрения такие стороны производного текста, как лексическая или стилистическая вариативность, сконцентрируем наше внимание на вариативности форм грамматического времени.

Развивая тезис о том, что содержание текста принципиально полифонично и имеет несколько степеней свободы [Леонтьев, 1999, с. 143], попробуем показать полифоничность такого текстообразующего компонента, как грамматическая категория времени в ее осмыслении языковой личностью. С позиций кратко описанной выше лингвоперсоналогической концепции можно предположить, что использование форм грамматического времени языковой личностью зависит, в первую очередь, от семантики, приписываемой им наивным языковым сознанием пользователя языка. Причем данная семантика может значительно отличаться от конвенционально закрепленной в научном метаязыковом представлении и, как

следствие, использование форм в систематизированном контексте может противоречить установленному стандарту. Система временных форм, используемых носителем языка, напрямую зависит от типа языковой личности, отображая нюансы восприятия и обработки данных окружающего мира. Вторичный текст в данном аспекте служит удобным диагностическим контекстом, так как позволяет увидеть переосмысление информантом временной структуры исходного текста.

Проиллюстрируем приведенные здесь положения на примере лингвистического эксперимента, проведенного среди студентов факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета. Для этого был избран экспериментальный текст, представляющий собой вторичный монолог с достаточно простой видовременной организацией. Анализу подвергнуты только формы изъявительного наклонения, т.е. собственно временные формы. Система временных планов в данном тексте состоит из двух основных компонентов: времени ситуации повествования и времени сообщаемого.

Экспериментальный текст

– Так вы говорите: тайный советник Гете не пил ни грамма? – я повернулся к декабристу. – А почему он не пил, вы знаете? Что его заставляло не пить? Все честные умы пили, а он – не пил? Вот мы сейчас едем в Петушки и почему-то везде остановки, кроме Есино. Почему бы им не остановиться и в Есино? Так вот нет же, проперли без остановки. А все потому, что в Есино нет пассажиров, они все садятся или в Храпунове, или во Фрязеве. Да. Идут от самого Есино до самого Храпунова или до самого Фрязева – и там садятся. Потому что все равно ведь поезд в Есино прочешет без остановки. Вот так поступал и Иоганн фон Гете, старый дурак. Думаете, ему не хотелось выпить? Конечно, хотелось. Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей. Возьмите хоть «Фауста»: кто там не пьет? все пьют. Фауст пьет и молодеет, Зибель пьет и лезет на Фауста, Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху». Вы спросите: для чего это нужно было тайному советнику Гете? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что – есть свидетельство – он сам был на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. Вы понимаете? Он остался жить, но как бы покончил с собой. И был вполне удовлетворен. Это даже хуже прямого самоубийства, в этом больше трусости и эгоизма, и творческой низости...

Вот так же он и пил, как стрелялся, ваш тайный советник. Мефистофель выпьет – а ему хорошо, старому псу. Фауст добавит – а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. Со мною на трассе дядя Коля работал – тот тоже: сам не пьет, боится, что чуть выпьет – и сорвется, загудит на неделю, на месяц. А нас – так прямо чуть не принуждал. Разливает нам, крякает за нас, блаженствует, гад, ходит, как обалделый...

Вот так и ваш хваленый Иоганн фон Гете! Шиллер ему подносит, а он отказывается – еще бы! Алкоголик он был, а л к а ш он был, ваш тайный советник Иоганн фон Гете! И руки у него к а к б ы тряслись!.. (В. Ерофеев. Москва – Петушки.)

Время ситуации повествования представлено в отрывке одной глагольной лексемой в форме прошедшего времени: «повернулся», задающей контекст.

Временной план сообщаемого гораздо более разносторонен и представлен а) связывающими план сообщаемого с планом ситуации повествования формами настоящего времени («говорите», «знаете», «едем»), элиминированными, но восстанавливаемыми глагольными лексемами («в Есино нет пассажиров») и формами будущего времени («прочешет», «скажу»); б) формами прошедшего времени, со-

здающими собственно временной план сообщаемого («пил», «заставляло», «поступал»); в) формами настоящего исторического («пьет», «молодеет», «подносит»), а также формами будущего времени («выпьет», «добавит»), контекстуально отсылающими ситуацию к прошлому.

Условия эксперимента:

1. Информантам были розданы листы с приведенными выше отрывками текста и предоставлено время (около 5 минут) на ознакомление с ними;

2. Задача изложить отрывок в письменной форме была поставлена только после того, как информанты сдали листы с текстом оригинала, при этом было пояснено, что форма пересказа и его содержание могут быть максимально свободными – каждый выбирает предпочтительную для себя модель, упоминает только те детали, которые считает существенными и т.п.;

3. Для изложения давалось время в объеме около 7 минут.

Фактор ограниченности во времени призван сработать на выявление речевой компетенции информантов, способствуя максимальному приближению письменной речи к спонтанной устной. Для результатов данного эксперимента настоящее условие имеет критический характер, поскольку объектом является функционирование грамматической категории времени в обыденном языковом сознании. В терминологии, принятой в работе [Лебедева, Зырянова, 2006, с. 241-252], данный аспект структуры языкового сознания представлен в виде оппозиции: а) неосознаваемого знания языка, сфера которого «предполагает спонтанное владение языком, основанное на интуиции, на “чувстве языка”, включает механизмы автоматизма, навыка. Выбор слов, грамматических норм, стилистических средств в этой сфере происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье» и б) осознанного владения языком, которое «имеет место при подключении форм критического и рефлексивного сознания, оно предполагает определенный речевой и жизненный опыт. Оно граничит с метаязыковым сознанием и может включать в себя его элементы, но необязательно: выбор языковых форм может происходить и без участия метаязыковых терминов» [Лебедева, Зырянова, 2006]. В психологических исследованиях интересующий нас аспект назван речевой компетенцией, понимаемой как «языковая система в действии, использование ограниченного количества языковых средств, закономерностей их функционирования для построения высказываний от простейшего выражения чувства до передачи нюансов интеллектуальной информации» [Кабардов, Арцишевская, 1996, с. 38]. Поскольку в поставленной перед информантами задаче никак не акцентировано внимание на анализе и использовании тех или иных грамматических феноменов, можно в качестве допущения подразумевать, что их метаязыковые знания не задействованы.

Предварительно выдвинутая *гипотеза* проводимого эксперимента может быть сформулирована следующим образом:

1. В целом, общая тенденция, которую можно прогнозировать в контексте данного задания, заключается в нивелировке разноплановости временных форм, согласно которой форма прошедшего времени стремится исполнять функцию отнесенности к прошлому, форма настоящего времени – к настоящему, а будущего – к будущему. Незначительные aberrации, которые, несомненно, возникнут в данной схеме, обусловлены, в первую очередь, влиянием оригинала, и, во-вторых, стремлением к созданию «красивого», т.е. презентабельного текста. Сами же по себе (т.е. в отрыве от текста-оригинала и перспективы прочтения изложения преподавателем) данные aberrации для информантов не являются релевантными.

2. Объем экспериментального текста, присутствие в тексте-стимуле авторской разрядки вкупе с обилием имен собственных, значительная часть которых не относится к числу знакомых информантам, затрудняют информационную

ориентацию последних, вынуждая передавать лишь общий смысл без концентрации на деталях. Отвлекающие функции деталей, а также абсурдистская логика повествования обеспечат создание пересказа «крупными мазками», не оставляя информантам времени на размышления над поиском удобного временного контекста и выстраивание продуманных цепочек форм грамматического времени. Предположительно, сложное переплетение связей видовременных форм будет утрачено в производных текстах. Скорее всего, информанты будут стремиться к упрощению грамматической системы, исходя из принципа экономии сил и языковых средств при речепроизводстве. В то же время, именно вследствие нехватки времени на обдумывание реакции могут быть выстроены очень спонтанно и не иметь логической временной организации как таковой. Таким образом, письменное изложение прочитанного можно считать максимально приближенным к спонтанной устной речи, что, в свою очередь, дает возможность говорить о реально существующих речевых типах.

3. Немаловажным аспектом для анализа реакций является связь категории грамматического времени с категорией персональности. Именно благодаря последней пересказательные модусы должны четко выстроиться в бинарную систему «от первого лица» и «от третьего лица», в соответствии с чем будет возможно сразу сориентировать типы реакций как креативные либо копиальные (термины – [Голев, 2004а, с. 33]), т.е. направленные либо на переструктурирование текста, либо на сохранение его исходной структуры. Естественно, в самой исходной структуре нас интересуют формы грамматического времени, сохранение или замена их информантом. В данном случае, выбор модели пересказа от первого или третьего лица позволяет определить степень включенности информанта в описываемую ситуацию. Самоидентификация с рассказчиком, фигурирующим в текстестимуле, может свидетельствовать о включенности информанта во временной контекст описываемого события, «подчинении» заданным правилам, при котором событие видится как имеющее непосредственное отношение к актуальному настоящему информанта; в то же время, «отстраненность», маркируемая грамматической формой третьего лица, может свидетельствовать о доминирующей релевантности временного плана настоящего для информанта.

4. Можно также предположить, что выбор модуса персональности определит и взаимодействие временных планов в реакциях. Наиболее сложные с точки зрения временной перспективы участки текста-оригинала – фрагмент с переключением на временной план настоящего, т.е. план ситуации повествования (Вот мы сейчас едем ... прочешет без остановки), фрагмент про Фауста (Возьмите хоть «Фауста» ... поет им «Блоху»), а также фрагмент, практически полностью вбирающий в себя последние два абзаца текста.

Результаты эксперимента:

С точки зрения выбора модели повествования информанты разделились на две большие группы: 58% (25) избрали модель от третьего лица, т.е. могут быть условно определены как принадлежащие типу «наблюдатель», 42% (18) – от первого, т.е. принадлежащие условному типу «участник». Характерно, что эксперимент, проводившийся в трех разных группах информантов, в каждой из них дал одинаковые количественные результаты с точки зрения выбора модели повествования. Здесь следует отметить, что пересказ от третьего лица является для данных информантов одной из повседневных деятельностей на университетских занятиях, чем можно частично объяснить количественный перевес в пользу данной модели. В любом случае, пропорцию в данной тенденции к самопозиционированию в качестве наблюдателя или участника ситуации можно считать достаточно выраженной и устойчивой. Из общего массива (43 реакции) специфическими в данном

аспекте можно считать три. Два информанта представили ситуацию вне нарратива, т.е. подали информацию как констатацию фактов, эксплицитно не идентифицируя себя с рассказчиком, но сохраняя общий модус «наблюдения». Еще один информант выполнил пересказ от лица присутствовавшего при разговоре, но не принимавшего в нем участие. В данном случае можно говорить о возникновении дополнительной субкатегории в группе «участник»: пассивный участник ситуации, ограничивающийся наблюдением, но эксплицитно выражающий собственную принадлежность к событиям.

Пересказ от третьего лица:

Все, за исключением упомянутых выше двух, информанты, избравшие данную модель, задали общий временной контекст пересказа как ориентированный на настоящий момент. Таким образом, ситуация разговора в вагоне представлена как реальная, актуализированная. Об этом свидетельствует употребление таких форм настоящего времени, как «едут», «рассуждают», «обсуждают», «разговаривают», «состоит», «предлагает», «представляет».

Внутри данной группы оформляются два выраженных типа:

а. Для первого (6 реакций) характерна приверженность только одному временному плану повествования, текст как бы «анализируется», все события передаются при помощи глагольных форм настоящего времени, экскурсы в прошлое отсутствуют, формы будущего времени также отсутствуют;

б. Второй тип (7 реакций), актуализируя ситуацию повествования, ориентирует сообщаемые события в прошлое, не связывая их с текущей ситуацией. Сохраняя формы прошедшего времени, использованные в тексте-стимуле, данные информанты не задействуют настоящее историческое, являющееся важным компонентом грамматической структуры оригинала. Ситуационная перспектива, таким образом, вполне четко разделена на две страты: настоящего и прошедшего времени, реализуемые в речи при посредстве базовых грамматических глагольных форм. Формы будущего времени не представлены.

Помимо данных двух типов, количественно преобладающих над остальными, реакции распределились следующим образом:

с. Три информанта дали реакции, максимально близкие по своей временной организации тексту-стимулу, т.е. с актуализацией ситуации монолога, а также экскурсом в прошлое, реализованным при помощи форм прошедшего времени и настоящего исторического.

д. Еще два информанта ориентируют ситуацию монолога в прошлое («ехал», «рассуждал», «звучала», «слушал», «повернулся» и т.п.). Сообщаемое при этом также выражено формами прошедшего времени, но в виде цитат. Таким образом, унифицированные формы выражения легко прочитываются как реализующие различные временные планы: прошедшее и предпрошедшее.

е. В одной реакции наблюдается «глобальное» обобщение тематики с использованием форм настоящего времени. Тем не менее, собственно сообщаемые события представлены формами прошедшего времени.

ф. Интересными представляются реакции (4), сходные с предыдущей по «рассудительности» пересказа. Для данного типа реакций характерна оценочность, проявляющаяся в утверждениях общего порядка. Отличительной чертой, однако, является переключение временных планов при передаче информации текста-стимула. Так, допустим, один информант, отходя от общих размышлений и пересказывая непосредственно содержание текста, использует формы прошедшего времени: «был затронут роман Гете», «Гете был представлен» и т.п. Другой информант при описании аналогичной по временной организации ситуации в тексте-стимуле совмещает формы прошедшего и будущего времени: «не пил, так как

знал, что сорвется и запыет...». Третий, напротив, противопоставляет аналогичные по временной организации ситуации в тексте-стимуле: [Гете] «заставил, ощущал, был» и [дядя Коля] «пьет, наливает». Наконец, еще один информант максимально концентрируется на вневременных обобщениях «выпьет – становится весело», «выпьет – становится радостно», задействуя формы настоящего и будущего времени, прочитываемые как вневременные, универсальные истины.

Пересказ от первого лица:

Данная модель пересказа текста-стимула имеет существенно меньшую вариативность. Представляется возможным выделить три типа реакций (в отличие от 6 типов, обнаруженных в реализации модели «от третьего лица»):

а'. Наименее частотной является модель с исключением фигуры рассказчика, сходная с типами (е) и (f), выделенных нами при анализе пересказов от третьего лица. События представляются как некие факты действительности, не имеющие модальности и субъективной оценки («Гете не пил, но выражал свое стремление выпить...», «Вертер покончил с собой, потому что Гете был на грани самоубийства...»). Информант не высказывает собственного мнения относительно излагаемой информации, никак не включает себя в контекст ситуации, но не оставляет в ней места и для рассказчика, эксплицитно присутствующего в тексте-стимуле. Формат «фактивности» обуславливает использование исключительно форм прошедшего времени.

Большинство же информантов данной группы идентифицируют себя с рассказчиком, эксплицитно или нет. Во-первых, это пересказы

б'. (4), стремящиеся к воспроизведению формы текста-стимула, в которых копиальность пересказательной стратегии выражена максимально четко: «я повернулся к декабристу», «спросил я у декабриста» и т.п. Показательно, что в этих случаях информанты стремятся также к сохранению (удачному или не вполне) временных форм текста-стимула: «все герои Гете пьют», «мы сейчас едем в Петушки», «поезд проезжает мимо Есино и не останавливается», «так поступал и Гете», «это приносило ему радость». По всей видимости, в данных случаях можно говорить о стремлении к фотографически точному отображению заданного текста, полной самоидентификации с рассказчиком, вовлечении в ситуацию стимула. В реакциях данного типа собственно ситуация повествования ориентирована во времени как относящаяся к настоящему; информационный план варьирует в своем выражении от форм прошедшего/настоящего, прошедшего/будущего до полноохватного прошедшего/настоящего/будущего. Проводя параллель с пересказами от третьего лица, можно заметить сходство данных реакций с типом (с).

с'. Еще большее количество информантов (12) пересказывают текст также от лица рассказчика, но в свободной форме. Наличие фигуры рассказчика для них не является актуальным, исходя из этого, актуальным является временной план сообщаемого. Ситуация «в пространстве художественного текста» полностью утрачивается, информанты говорят прямой речью, нивелируя разницу между художественным текстом и реальным монологом.

Вариативность грамматических форм в данных случаях практически отсутствует: временные планы «настоящее/прошедшее» принципиально разнятся на уровне базовых временных форм. Настоящее историческое отсутствует. Формы будущего времени используются как обусловленные контекстом («боялся, что сорвется», «нам наливал – мало не покажется»). Формы настоящего связаны только с ситуацией говорения.

Представляется интересным, что, как и в случае с пересказом текста от третьего лица (типы (е), (f)), в нескольких реакциях присутствуют широкие обобщения вневременного плана типа «пьют, пили, и будут пить».

Обобщая данные, полученные при анализе пересказов, выполненных согласно обеим моделям, можно сделать следующие **выводы**:

1. Реакции, сгруппированные выше в рамках различных моделей, имеют несомненно большее количество общих, нежели различных черт и могут быть объединены на их основе. Однако, как свидетельствуют данные, не оказывая критического воздействия на выбор информантами тех или иных временных форм, модус персональности, тем не менее, выступает при этом существенным фактором.

2. Информантами, избравшими модель «от третьего лица», текст-стимул рассматривается как некая параллельно существующая с ситуацией пересказа данность, результатом чего является актуализация временного плана настоящего, к которому относится речь автора. Сама по себе данная модель предопределяет чрезвычайную ограниченность употребления форм будущего времени. Ситуация в пересказе мыслится как двуплановая: зафиксированная в плане настоящего словами пересказывающего ее информанта и относящая собственно ситуацию текста-стимула к плану прошедшего, вследствие чего события в подавляющем большинстве случаев передаются исключительно как связанные с этими временными планами. Происходит, таким образом, упрощение репрезентирующей ситуацию временной схемы, проявляющееся в том, что формы будущего времени, хотя и способны к свободному функционированию в контекстах прошедшего и настоящего, использованы информантами в ничтожно малом проценте потенциальных контекстов. Показательным в этом смысле является и тип (а'), представляющий собой пересказ, выполненный в рамках одного временного плана.

3. Косвенным подтверждением сказанного выше является достаточно низкий процент копиальных реакций (с) и (b'), в которых ситуация репродуцируется с фотографической точностью, что свидетельствует, скорее, о натренированности «оперативной памяти» информантов, нежели о полностью совпадающем с авторским мышлении. Сохранение разноплановой картины временных референций, схематически совпадающей с картиной референций в тексте-стимуле позволяет судить о беспристрастности информантов, воспроизводивших заданное, даже их имперсональности. Здесь же следует упомянуть реакции с цитированием (d), также свидетельствующие о попытке информантов скопировать фрагменты текста-стимула и сохранить его исходную структуру.

4. Несмотря на разницу в использовании временных планов, реакции (е), (f) и, отчасти, (с') объединяет присутствующая в них модальность назидательности и, в связи с этим, легко прочитываемое стремление к универсализации, всеприменимости излагаемых фактов. Информанты представляют события так, что временная референция действий становится нерелевантной. Различные формы грамматического времени, используемые при этом, могут быть интерпретированы как имеющие нейтральный, вневременной характер. Реакции группы (с'), отличаясь от (е) и (f) полифоничностью временных планов, тем не менее, сходны с ними именно с точки зрения унификации значений временных форм.

5. В целом, как и предполагалось, временная организация в изложениях стремится к упрощению относительно текста-стимула, что свидетельствует о стремлении к экономии речевых средств. Используемые информантами формы грамматического времени в более чем 80% случаев исполняют свои базовые функции. При этом еще в 15% употреблений грамматические формы прочитываются как не имеющие временной отнесенности, выступая в качестве маркеров универсальных ситуаций. Настоящие данные показывают, что для информантов (возможно, – шире – для носителей русского языка) конвенциональным является использование временных форм в их базовом и, отчасти, в максимально широком значении, тогда как присвоение формам грамматического времени семантики с

темпоральным сдвигом окказионально и не играет существенной роли в структуре порождаемых высказываний.

Полученные данные свидетельствуют о наличии различных темпоральных типов русской языковой личности. Выбор временного контекста, тех или иных форм грамматического времени не является универсальным, следовательно, зависит от семантики, приписываемой грамматической форме обыденным языковым сознанием. Проведенный эксперимент не дает окончательно четкой типологической картины, а лишь обрисовывает общие рамки существующих типов. Дальнейшее уточнение представляется возможным на материале клоуз-тестов, где в качестве подстановочных элементов могут быть использованы пропущенные формы грамматического времени.

Литература

- Бейн Б., Ю А., Панарин И.А. Билингвистическое воспитание детей (Вновь обращаясь к Л. Выготскому и А. Лурия) // Вопросы психологии. 1994. № 3.
- Божович Е.Д. О функциях чувства языка в решении школьниками семантико-синтаксических задач // Вопросы психологии. 1988. № 4.
- Божович Е.Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. 1997. № 1.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1984.
- Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод... К основаниям деравационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 3. Барнаул, 2001.
- Голев Н.Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования в техническом вузе (опыт построения концепции) // Прикладная филология в сфере инженерного образования: Коллективная монография. Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. Томск, 2004а.
- Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка // Филология: XXI в. (теория и методика преподавания): Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию БГПУ. Барнаул, 2004б.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
- Кабардов М.К., Арцишевская Е.В. Типы языковых и коммуникативных способностей и компетенции // Вопросы психологии. 1996. № 1.
- Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г. Онтогенез языкового жанрового сознания (на примере школьной записки) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы I Международной научной конференции: в 4 частях. Ч. 3. Кемерово, 2006.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка: Экспериментальное исследование. М., 1956.
- Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. М., 1998.
- Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. СПб., 2002.